

СЕНТЯБРЬ

Хроника

В воскресенье, 3-го сентября, в сороковой день кончины Константина Фёдоровича Рериха, будут отслужены заупокойная литургия и панихида в церкви Иоанна Богослова на Смоленском кладбище. Начало литургии в 10 часов.

Новое время. 1900. 2/15 сентября. № 8806.

[Сентябрь 1900 г.]

Записка Н.К. Рериха к Е.И. Шапошниковой.

Дорогая моя, с Твоего позволения я приеду сегодня в 3-4 часа с сестрою. До Стасова, оказывается, дошла такая гнусная на меня клевета, что поверить трудно. Весь Твой

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/201, 1 л.

Письмо Н.К. Рериха к Стасову В.В.

4 сентября 1900 года.

Глубокоуважаемый Владимир Васильевич.

Быть может, Вы будете столь любезны и передадите посланному идолов, которых я задержу два дня, а затем возвращу в целости и сохранности.

Несказанно меня вчера взволновала клевета относительно помещения мною статьи в Мире Искусства. Это такая гадость! И кого только душит подобное ко мне недоброжелательство.

Не могу и представить, чем это я заслужил подобное ко мне заботливое отношение. Хотя и знаешь, что не надо обращать внимания на все подлости, но всё же, особенно когда идут они из разных лагерей, то невольно задумаешься. То Сомов толкует о том, что я человек вредный, то Парланд честит, на чём свет стоит, то Суслов помянет тёплым словом, то Нестеров, то А. Васнецов, то Бенуа – и конца и краю им нет! – словно я мешаю им всем. Каждый шаг связывается кандалами какими-то, и где можно перейти по простой доске, там, вследствие какого-то тупого недоброжелательства, надо чуть ли не каменные глыбы ворочать. Поневоле придёт в голову затвориться куда-ниб. подальше и зарыться в работу. Тяжёлое у нас время, смутное, когда на почве искусства творится невесть что, и этим задерживается искренняя работа. Мне грустно, что и Вы как-то косо на меня глядите, но с другой стороны, в такое время, право, и не знаешь, на кого не коситься и кого не подозревать. Приходится смотреть только в будущее, не будет ли в нём светлого облачка?

Всё-таки искренно Вам преданный

Н.Рерих

Вечер 4 сент. 1900 г.

Публикуется по изданию: Н.К. Рерих «Письма к В.В. Стасову». СПб. 1993.

[5-6 сентября 1900 г, СПб.]

Письмо Н.К. Рериха к Е. И. Шапошниковой.

Хорошая моя Лада, как мне хочется сейчас к Вам приехать, и как не могу я этого сделать - мне совестно взглянуть Тебе в глаза, ибо и вчерашняя княгинина комбинация разбилась.

Мне сказано: «Неужели же они не верят, что я ничего не имею против свадьбы, зачем им документ, и ты, и Лиля говорили – этого достаточно».

Я не смею просить приехать на вокзал завтра, хотя мамаша клянётся, что она тогда познакомится. Если возможно, приезжайте – это Ваша милость, а нельзя, то наноси мне последний удар в ряду прочих ударов и будь уверена, что Твой удар будет без промаха. С Тобою оторвётся от меня самое лучшее, и нервы быстро доделают своё дело. Туда и дорога.

Ладушка, милая, родная, скажи слово, черкни слово и я разорву с моими всё, ибо, что они для меня, без Тебя?

У меня точно тяжёлая ладонь лежит на лбу. При всём, если бы не болезнь. Ладушка, уедем, будем учиться за границей и добьёмся своего. Не оставь без ответа. Ой, как трудно живётся; добьёшь ли меня?

Поговори с Екатер. Вас. – у ней сердце-то хорошее. Всё-таки она меня видела, знает. С Тобою придёт всё, без Тебя уйдёт всё.

Радость моя, родная моя, не оставь.

Н.Р.

[В письмо вложена визитная карточка]:

*Николай Константинович
Рерих*

В.О. 16 линия № 15

На оборотной стороне визитной карточки записка:

Многоуважаемая Екатерина Васильевна.

Приеду не к обеду, а вечером (8 ½). Если можете, поймите меня.

Уважаю и люблю Вас душевно.

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/259, 3 л.

16/29 сентября 1900 г.
Письмо Н.К. Рериха к Е. И. Шапошниковой

Поезд. 3 часа 16-го Сент.

Милая моя Лада, итак я еду.

Не многим пожелаю я такого состояния, каково моё теперь. Что-то сломалось, не я — наоборот, я после вчерашнего конца разговора нашего, я стал даже цельнее, но сломалось что-то вокруг меня; я чувствую, что я что-то порвал, вырвался из какого-то заколдованного круга. И всё же моё самое хорошее осталось невредимо, осталось, чтобы расти и крепнуть. Я верю в Тебя, моя хорошая, и, быть может, всё к хорошему. Знаешь, у Тебя большая душа и глубокая. Когда ехал на вокзал, вдруг нестерпимо захотелось мне захватить к Тебе и ещё раз, хоть минутку посмотреть [*зачеркнуто*] и разок поцеловать Тебя, мою славную.

Вчера Ты дала мне страшный урок, — он даром не пройдёт. Хотя я знаю, что я тут не виноват — это дело обстоятельств, но в смысле всяких химер я буду следить за собою строго, и Ты услышишь их не много. Хотя вовсе уничтожать их я не буду - ими я живу Тобою.

Только Ты и остаёшься у меня, во всём остальном я почувствовал себя вне времени и пространства. Ещё как недавно, ещё, можно сказать, вчера, я суживался и ограничивался до личностей, вся вода моя была в одном колодце, а сегодня я словно чую какие-то озёра и целые моря. До них трудно дойти, но они есть. Чтобы свободно распорядиться всем, мне нужен был один крепкий бастион — им будешь Ты, и из него я буду делать набеги на всякие области. Лишь бы здоровье и сознание Твоего спокойствия. Особенно меня оскорбляло вчера прописное объяснение моих поступков - зачем эти правила?

Как Ты себя чувствуешь? Пиши на Берлин, я там ещё пробуду. Вчера я спать так и не ложился. Собирал письма, соображал и ощущал какое-то странное чувство - оно у меня впервые, странной решимости. Ведь если я когда-нибудь окажусь не простым пустомелей, ведь если Ты когда-нибудь будешь в состоянии бросить всем насмешку в том, что чувство Тебя не обмануло, — ведь тогда Ты полюбишь меня ещё сильней — и какая это мне будет награда!

Миленькая, запасись карточками в разных видах и позах и вышли их мне, когда я устроюсь в Париже, — это будут мои образа.

Ужасно трясёт скорый поезд, пожалуй, не разберёшь.

А всё-таки трудно мне ехать, и скучно, и сиротливо как-то. Весною, быть может, приедете в Париж ... [*нрзб.зачеркнуто*]. Ох, а до весны-то сколько времени.

Никто, кроме Зарубина, не знает, на какой срок я еду.

То, что я уношу в себе о Тебе, нельзя вынести на улицу, — оно слишком хорошо. Милая, работай, знай, что майчик всё время о Тебе думает и Тобою живёт.

Как мне завидно стало за Екат. Вас. — за её доброе сердце. Это не то, что мои, с их странною каннибальскою любовью. А вдруг Ты забудешь меня? А вдруг Тебя развлекут? А вдруг Ты заболеешь. Такие вопросы мучают меня, — нет-нет да и подымутся, нет-нет да и засосут. Напиши, милая, успокой меня. Вот подобные вопросы меня мучают, а между тем, я сильно в Тебе уверен и всё

нахожу новые подробности Твоей большой личности. Видно, такие вопросы уже неразрывны с любовью, и, пока любишь, до тех пор они и мучают. Теперь напишу из Берлина (Continental). Хочется ещё писать, а между тем, мысли у Твоего бедного майчика до того спутаны, что читать это кропанье мало интереса. Думал отправить из Луги, но обожду до Пскова.

Что, против меня очень озлобленное настроение? Приветствуют, небось, Твой разрыв?

Сегодня утром видал Свиньина, говорю: «Еду». - «Куда же, - говорит, - ведь я только 20-го выезжаю, тут у меня дело есть до Косоротова, так вот Ты бы...»

Я даже испугался, прямо невероятным показалось быть хоть в СПб. и не видеть Тебя.

Нет, ни о чём, кроме Тебя писать не могу. Господи, какое место Ты во мне занимаешь.

У меня в кармане все Твои письма, хотел их сейчас положить в хронологическом порядке, но, свинство, [из-за] слёз не могу этого.

Целую Тебя крепко-накрепко и добрую Екат[ерину] Вас[ильевну], и, ради Господа, ПИШИ, и пиши подлинней.

Играешь ли Ты? Как здоровье? Как все?

Н.Р.

16 Сент. 900 г.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/163 (лл. 5,6,3,4)

**[17/] 30(н.с.) сентября 1900 г. [Берлин]
Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой**

В поезде

Скоро Берлин. Вчера сделалось ужасно тяжело после отправки письма, ибо чувствовал, что другого до отеля отправить не могу. Каплями и микстурой отвязался от удушья, которое уже началось. Нашёлся спутник, добродушный и придурковатый чиновник. И сейчас он сидит в Табельдоте против меня и, бедный, не подозревает таких эпитетов. Писать нельзя — качает.

30-го Сент. нов. стиль. Воскресенье.

Хоть я и в Контитенталь отеле, хорошая моя, а в ушах всё звучит

Твоё: «Майчик, Майчик, что ты наделал». — Это была самая Твоя задушевная и сильная фраза. Ею сказалось (угол письма оторван) [то, что уда]рило меня сердечными слезами сильнее, нежели угрозой презрения. Вдруг Твой Майчик не сумеет предотвратить Твоей боли — плохой он Майчик, коли не оберёт свою единственную Ладушку, и за то пусть Майчик сидит в изгнании и поработает вдесятеро, чтобы стать достойным. Я теперь понимаю, что особенно оскорбляло Тебя; не то, что Майчик не добился толку с домашними (другому человеку ума не вложишь), не то, что поставил Ладушку в ложное положение, а то, что Майчик как бы пошатнулся под всеми ударами и вместо того, чтобы грозно противостоять им, он жалко заплакал. Экий нюня Майчик, и если это у него не от временной болезни, а по основному характеру, то он и

правда Ладушки не стоит. Стоит или не стоит - скажет будущее, и сдаётся мне, что на Майчика уже издали веет кипучим морем, да не фантастическим, не химерным, а таким, от которого корабли гибнут, и которое, запертое запрудами, работает на людей.

Только что Майчик приехал в гостиницу, как бросился опять на улицу, в кафе, в самую толпу, и толкался среди моря чуждых людей, а толпа, благодаря Воскресенью, была огромная.

Думаешь ли Ты обо мне, и с каким сердцем думаешь? Ой, как буду ждать письма Твоего?

Долгою, упорною работой исправит Майчик сделанное им, и как совершенно неожиданно для себя заговорил он бегло по-немецки, так, быть может, выльется у него и другое.

Спешу отправить письмо, чтобы скорей дошло, а отправлю и буду жалеть, ибо захочется ещё писать. Я доволен, что нет ни Свиньина, ни Суслова; с тем, что внутри меня, надо оставаться одному и среди чужих. Поцелуй

добрую Ек. Вас. и не забудь Майчика, плывущего в дальнем море, а кругом волны-то какие!! Милая, добрая, славная. X)

X) Всё больше и больше представляется следующая комбинация, а что, если мне в Крым не ездить и прямо остаться в Париже, ибо, если Свиньин действительно ко мне расположен, то он и без меня похлопочет, а если он меня только обманывает, то и при личном свидании с в. князем он сумеет меня затереть в сторону. Не остаться ли прямо в Париже — выписать туда начатые картины и начать работать и штудировать, а то в Крым, а оттуда опять в Париж — ломка большая. Или вернуться мне в Питер за Тобою.

Словом, непременно напиши, что Ты об этом думаешь. Повторяю себе я не нужен, разве для себя хочу я карьеру.

Надеюсь даже ещё в Берлине получить Твой ответ.

Всё, что у меня остаётся, это Ты. Кажется, мой всегдашний псевдоним оправдывается, и я опять могу подписаться

Р Изгой

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/163, (лл. 1, 2, 7).

18 сентября/ 1 октября 1900 г.

Хроника

Академик М. П. Боткин и преподаватель Археологического института Н. К. Рерих заняты в настоящее время составлением по тем материалам, которые отчасти собраны покойным Д. В. Григоровичем, каталога художественно-промышленных произведений музея Императорского Общества поощрения художеств с отделом русских древностей. Предметы разбиты в каталоге по производствам и векам. Всех предметов в каталоге 12 тысяч.

Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 18 сентября /1 октября. № 256.

*([18 сентября] / 1 октября [1900 г.]. Берлин
Письмо Н. Рериха к Е. И. Шапошниковой.*

*Берлин. Понед.
1 Октября нов. ст.*

Я сижу на террасе в зоологическом саду – ем. Тепло. Солнце. Несмотря на Понедельник, кругом [*зачёркнуто*] жизнь. Мне хорошо, и не хватает только Тебя. Будь Ты около меня, и я ни о чём бывшем не вспоминал, а глядел лишь в будущее. Мне кажется, что и мне, и Тебе за границей должно быть больше по душе, нежели дома. Здесь, мне сдаётся, личность более неприкосновенна, обилие жизни, обилие деятельности не позволяют врывать в личность и топтаться в ней. Раз Ты вежлива и деятельна, то здесь Тебя встретят безразлично, но без всякого глупого недоброжелательства, ибо уже достаточно усвоили, что места и дела всем хватит.

Мне также кажется, что при моих особенностях в живописи мне, пожалуй, легче здесь занять некоторое место, (*конечно временное до возвращения*), нежели дома, здесь уже ничему не поражаются и ничто никого не шокирует. Дома я сам себе много напортил, начав под Суворовским девизом «быстрота и натиск», и потом я закрылся неприменимой на земле вещью – «всё похорошему». И так как земля и жизнь только борьба, то ничего хорошего ни для меня, ни для кого не получилось. Итак, гнать «всё по-хорошему» и хоронить химеры.

Эх, если бы Ты со мною! Ведь и Тебя СПб. общество давит не меньше меня. Стоишь Ты всегда и везде передо мною. Увижу что хорошее – жалко без Тебя. Замечательно, что один, без моих семейных, я гораздо сильнее, а как только вблизи их, так всё пропадает и мне подвязывают слюнявник. Написал им письмо, что больше не вернусь.

Сейчас около львов наблюдал странную сцену. (Не удивляйся, что на первый день я попал не в галереи, а к зверям, дело в том, что в Понедельник всё закрыто и я отправился бродить по городу и забрел к зоол. саду, где захотел есть и, увидав там ресторан, – зашёл). Так вот что я видел около львов. Их 3 клетки. В боковых по 2, - лев и львица, а в средней, на некотором меж ними расстоянии, один большой лев. Я подходил из-за угла и видел лишь крайнюю угловую клетку. В ней лев спал, а львица беспокойно ходила кругом и на всяком кругу останавливалась, упорно – вся вытянувшись, смотрела в одну сторону и протяжно рычала. Из-за угла ей отвечал такой же рёв. Я обогнул угол и увидел, что одинокий лев стоит, не шевелясь, и глядит на львицу и тоже рычит. Лев, бывший с львицей, спал и лишь при сильном рыке спокойно подымал голову – он был спокоен. Можно всячески толковать эту картину, но во всяком случае в ней было что-то обще-животное – человеческое и этот одинокий лев был мне близок.

Завтра съезжу в Дрезден. Ходил, ходил – всё чувствовал себя усталым, а вот как сейчас сел в N, так и ноги и голова затяжелели. Я буду этак приписыв-

вать за несколько дней, а отсылать вместе. Мне ужасно хочется, чтобы раньше всех я получил письмо от Тебя. Адрес знают и мои, и Зарубин, и Косоротов, но чтобы они Тебя не опередили. Как это всегда решительные вещи вдруг делаются, напр., мой долгий отъезд за границу ведь скомпоновался у меня чуть ли не в один день. Опять звучит: «Майчик, Майчик, что ты наделал». Прости меня, родная моя, если на Твою и без того чуткую и подавленную всякою пошлостью душу, я временно навалил ещё боль. Ведь ни одной неосновательной лжи я за собою не знаю. На всё я имел основание. На согласие матери надеялся я на основании её же разговоров, что она женитьбе не помешает. О 4000 я говорил, имея в виду 2000 от в. князя с места, о котором прошлою зимою Свиньин чуть ли уже не поздравлял меня, и 2000 от мамы, которые она теперь и будет давать. А что Ты привыкла ко мне – я рад, ибо ведь люблю же я Тебя, люблю больше, нежели Ты думаешь (так что иной раз даже старался маскировать) и отказаться от Тебя я *не могу*, я не в силах. Сколько бы ни пришлось ждать, я не узнаю другой женщины; - странно, мне противны они.

В будущем Ты уже не увидишь моих слёз можно быть, чем угодно, но не плаксивым, это в мужчине, действительно, жалко.

Всё хочу изменить почерк на конверте, да не удаётся, а попросить написать некого. Ох, как устал.

Уже вечер. Думал отправить по возвращении из Дрездена, но лучше пошлю завтра же. Что там, не Сикстинскую же Мадонну описывать.

Вот-то изумление! Меня несколько не тяготит отсутствие русского языка, словно мне его и не нужно. Так что изо всей России мне лишь Тебя одну и нужно, и необходимо, и требовательно. А уж как нужно-то! – Тебе, небось, меня не нужно, даже рада пожалуй. Нет, нет, я шучу, знаю, что не рада! «Майчик, что ты наделал?» Как мы при Екатерине Васильевне поцеловались-то! И какой был хороший, чистый поцелуй, в нём как никогда раньше почувствовал я, *что* такое Ты для меня стала!

Так же опять целую

Р. Изгой

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/428, 4 л.

**3-4 Октября нов. стиль. [20-21 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

Berlin, Вторник. 11 час. вечера

Миленькая, славная, родная моя, сейчас вернулся из Дрездена и нашёл письмецо Твоё. Прочёл его и застучало у меня в висках даже – значит, моё предчувствие не обмануло меня, - Твоя записка пришла первой, всех опередила и Лада верит в меня. Значит, жить можно. Знаешь, я теперь одно из двух (никак не середина) или огромный сознательный подлец, или очень хороший, дело покажет, что я есть.

Отчего письмо пишешь уже в Париж. Я получил бы его в Берлине. Впрочем, надеюсь Ты уже получила моё след. письмо и на него отвечаешь в Берлин, ибо там вопрос срочный – *ездить ли мне в Крым.*

В Дрездене превосходно. Отдыхая в ресторане в парке, думалось мне: эх, если бы и Лада здесь со мною была, то-то бы было хорошо, то-то бы мы отбросили всю старую ветошь и начали бы новую жизнь. Эх, Ладушка, рискни! 2000 мамаша у меня не отымет, да Ек. Вас. чуточку даст, а на 6500 фр. при занятой жизни, право, можно в Париже прожить. Право, подумай.

Экая Ты хорошая, прислала Майчику записочку; - знаешь, что ему без Тебя худо.

С ужасом думаю, что скоро приедет Свиньин – теперь мне можно быть лишь или с Тобой, или одному, т. е. либо видеть, либо думать о Тебе.

Дрезденская Галерея произвела на меня хор. впечатление. Мне сдаётся, что самые мои национальные вещи будут написаны именно за границей. Как чувствую я теперь, сколько мне надо учиться и в художественном, и в социальном отношении, но это сознание не душит меня, а наоборот, толкает вперёд. Право, истинный националист, лишь прожив долго за границей, может быть действительно полезен отечеству. Сколько отсюда можно повывезти, но к горю вывозят-то обыкновенно, как вижу, не сущность здешнюю, а лишь мишурную внешность. Мне всё казалось, не праздник ли сегодня в Дрездене, ибо мы хоть и надели цилиндры, но существа этой жизни, отдающей праздником, не поняли, не поняли труда, и после него здорового отдыха.

Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks

Berlin, Среда. 4 Окт. н/с.

Сегодня был в Национальном Музее, и охватило меня какое-то новое настроение. 1) Я увидал, что искусство не лишнее, что им интересуются, это не то, что у нас. Здесь посмотри-ка, с 10 час. утра до закрытия целый день толпятся посетители и видно, что не все иностранцы, а много и здешних. 2) Мне страшно понравились многие картины. Напр., Борро Веласкеца, Бёклин... Впрочем, что же Тебе перечислять голые имена-то; эх, отчего Тебя нет со мною! Многие мои свежие впечатления пропадают - учились бы вместе. А то, как же это я буду знать больше, нежели Ты. Не хочу я чиновного места, не хочу заискивать перед Свиньиным и ему подобными, можно со временем стать куда выше всех – тогда принесут сами и чины, и всё.

Рискни, Ладушка! Поработаем в Париже, иначе Тебя тоже засосёт Петербург. В Петербурге мы все играем на личностях – нет, к чёрту их, будем держаться на почве дела. Не будем до поры до времени ни с кем знакомиться, ведь нам друг друга довольно. И потрудимся в тишине – мы много сделаем,

право, это не химера. Иначе, и я, и Ты много энергии тратим на тоску разлуки, на желание увидаться – вся эта сила должна тогда также пойти на поступательное движение.

Среда. 11½ час. вечера.

В сущности, у нас два пути: по которому хочешь идти? Один путь покойнее и глаже, но уже отдаёт пошловатостью, а именно: Ты будешь ждать, пока я добьюсь положения, а там, в конечной перспективе, всё-таки то же место; другой же, каменистее и бурнее, но ведёт выше. Дело в том, что при первом пути Ты всё же останешься для всех милой Лелеттой, Ляличкой, Лялей и прочими милыми понятиями, но эта роль вряд ли Тебе по душе, ибо в Тебе много самостоятельности и воли. У Тебя есть другая роль, а именно роль музыкальная; если Ты скажешь, что у Тебя недостаточно силы (физической), то скажу, что у Тебя столько чутья, что Ты можешь достигнуть выдающегося понимания некоторых избранных авторов и осветить их произведения по-новому – и тем стать на обособленное, самостоятельное место. Но для этого необходим некоторый риск, придётся так же, как мне, сломать нечто. Придётся на время отбросить милое общество и нырнуть в новую атмосферу. Я думаю, мы достигнем кое-чего, года в 3, 4 хорошей работы. Будем вести строгую, нормальную жизнь, будем укреплять себя гимнастикой. Первый путь – путь «места» от нас никогда не уйдёт, ибо до него в случае бессилия мы всегда продержимся – коли придётся скудно и плохо, и моя мамаша поддержит, ибо она плакала, провожая меня, и видел я, что любит она меня, положим, любит людоедски, но всё же.

В Париже мы никого не будем знать, ой, как хорошо это будет! Захоти, милая Лада, захоти именно этот каменистый путь, по крайней мере, впоследствии или среди известности и уважения, или у тихой пристани будет что вспомнить, и никто не скажет, что мы зарыли талант свой, каков бы он ни был – велик или мал.

Пиши об этом и обдумай это наедине в самом тайнике сердца. Только сердце может подсказать Тебе, как надо поступить; коли оно подсказало Тебе, что я не подлец, хотя по прописи могло выходить и так, то и здесь оно также не обманет Тебя. Первый путь вернее и покойнее, но он сравнительно только тёпл, и в результате только приятная теплота, а второй – или холоден или горяч, и если холод этот, как уже говорил я, в конце концов, всё же сведётся к средней теплоте, то могущий быть жар будет велик и согреет и нас, и многое, многое другое. Тот ли, другой ли путь выберешь – ближайший ход пока тот же: всё-таки я теперь еду в Париж, но в первом случае, оседаю там один надолго, мучаясь по Тебе, а Ты погибаешь в милом обществе; во втором же устраиваюсь так, чтобы можно было везти Тебя на нечто готовое. Приказывай, я жду.

Поцелуй Екатерину Васильевну.

Целую Тебя сильно и много; видно уж такая особенная линия наша!! ~~Пиши уже в Париж, но припиши~~, нет, лучше пиши ещё в Берлин, коли уеду – перешлют.

Твой Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/334, 6 л.

*5 Октября нов. ст. [22 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

Berlin, 5 Окт. н/с.

Пятница, вечер, 7 час. после обеда. Сажу в читальне отеля, играет музыка. Накормили меня хорошо – но содрали дорого – целых 8 марок. Это ещё без вина. Ужасно хочется мне поговорить и посмотреть на Тебя, моя славная.

Почему-то непременно жду сегодня Твоего письма, даже до 9 час. не пойду из читальни, ибо в 8 час. приходит русский поезд.

Сегодня у меня какое-то беспокойствие по Тебе – всё ли благополучно?

Сегодня был со мной маленький инцидент на улице. Чтобы не носить с собою плана, я усвоил себе скверную, как увидишь по результату, привычку, - ловить первого встречного за фалду и добывать таким образом языка. Мне было нужно пройти к промышленному музею, но как попасть на ту улицу я забыл, да и раньше не знал толком. На перекрёстке остановил я первого встречного – оказалась дама и, как я потом заметил, очень красивая. Спросил её насчёт Музея, да и струсил, а ну как она меня за приставање да в полицию... Однако, вышло наоборот; к изумлению моя дама нисколько не сконфузилась и рассказала мне, как пройти, и сама вызвалась проводить меня – будто и ей тоже по дороге. Дорогою давай меня спрашивать кто я, откуда, зачем и пр. Она приняла меня за Норвежца, а никак не за русского (вот те и кровавый...). Услышав, что я русский, она словно бы обрадовалась – говорит, и я не немка, а полька. Только чем дальше мы шли и беседовали, тем подозрительнее она мне становилась. Затем начала спрашивать, был ли я в театрах, и начала расхваливать только опереточные театры, а затем спросила, что я делаю вечером. Тут уж я догадался, на кого я нарвался, и начал всячески изыскивать средства к отступлению. С великим трудом отвязался от моего проводника. Вот какая скверная привычка останавливать на улице, и что из неё может произойти.

Нет уж, лучше городских спрашивать. Здорово обошёл меня здешний портной, взял за жакетку 100 мар., а оказалось, можно было за 60 мар. получить. Очевидно, за науку везде платить надо.

Нет, всё ли у Тебя, Голубчик, благоприятно и хорошо, что-то мне беспокойно. Жду письма и от своих – ответа на моё извещение об отъезде и поселении в Париже - это письмо важное.

Завтра уже неделя, как я перестал говорить по-русски, да и вообще говорить, ибо разговор с кельнерами – заказ кушанья – плохой разговор. Берлин, собственно, я уже осмотрел, и меня уже потянуло к работе – так сегодня купил альбомчик и начал туда эскизики набрасывать. А и скучно же мне будет в Париже одному-то; ещё днём туда-сюда – за работой не заметно, а вот придёт вечер – что я буду делать? Идти в кафе смотреть безобразия – скучно, сидеть одному в 4 стенах – скучно, для работы уже устал – да скверно будет. Иногда мне кажется, что вдруг неожиданно откроется дверь и войдёшь Ты – ой, как бы бросился к Тебе, ой, как зацеловал бы Тебя. Нет, что же это такое, почему нет Твоего письма, на Понедельниковое моё письмо мог бы быть уже ответ.

Хотел бы просить Тебя передать Софье Павловне поздравление моё, но вспомнил, что ведь мы вместе более не существуем, теперь инкогнито. Господи, в каких-то только положениях не доведётся побывать, пожалуй, дойдёт и до переодевания. В наш-то прозаичный век – этакий романтизм. Нужно будет для финала ещё похитить Тебя и ускакать непременно на лошади (не на моторе), а Тебя положить поперёк седла. Скверно одно, что замечаются городовые, а они романтизму как-то не соответствуют.

Какие здесь Музеи-то! – но смотреть я уже устал. Написал Зарубину длиннейшее письмо с различными вопросами, практическими до Парижской жизни.

Пиши, да не забывай майчика-то, на это письмо уже в Париж.

Поцелуй Ек. Вас. Кончил писать, т. е. говорить с Тобою, и стало очень скучно.

Милая моя Ладушка!

Отдел рукописей ГТГ, 44/330, 3 л.

**6 Октября нов. ст. [23 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

*Berlin, Суббота, 6 Окт. 8 час. вечера,
в гостиной отеля.*

Дорогая моя, родная моя, что же это и сегодня Твоего письма нет; ведь уже целая неделя прошла. Как мне сейчас худо и жутко стало. Всё ли уж благополучно? Право, если бы я мог, то сейчас пошёл бы в кабак, к женщинам или к чёрту – лишь бы от себя уйти. Ещё сейчас ничего – музыка играет, кругом народ, а вот приду в душный N, там-то каково будет? Ох, как бы необходимо было Твоё хорошее письмо; неужели Ты ничего не чувствуешь? Ведь на целую неделю прислать записочку в 5 строк – прямо безбожно. Знаешь, Ты мне прямо необходима, без Тебя я не могу, и если хватит у меня характера быть без Тебя долгое время, то организм, пожалуй, переломится. К сожалению, мы вольны лишь над волей, мы вольны заставлять себя, но за результаты ручаться мы не в состоянии.

Целую неделю пробыл без языка, без разговора – это не шутка! Особенно мне, привыкшему к непосредственному общению. Знаешь, что я сегодня надумал; я не буду хлопотать о продаже «Старцев» - даже наоборот. Я повторю моего «Гонца», поправлю «Старцев» и припишу ещё несколько так, чтобы получилась стройная следующая серия «Варяги» (на море), «Гонец», «Старцы», «Поход», «Вороны», «Праздник!», «В былом». Эту серию больших картин (Начало Руси) можно пустить сперва по Европе (найти антрепренёра), а затем и на Русь двинуть. Можно сразу имя сделать, тем более, что нынешние декадентские без содержания картины начинают надоедать. Сочинил сегодня два эскиза «Трубный звук», «Ожидание», один в голубом, другой в красном.

Всё это хорошо, всё это можно, но без Тебя тяжело! – впрочем, я любить не умею (говоришь Ты), люблю слишком мало... Как же это больше-то? Голову что ли о стенку разбить? Если бы Ты могла посмотреть, что у меня внутри делается!! Ради же Бога пиши; что стоит ½ часа в день пописать, особенно если знаешь, что это для кого-ниб. необходимо. Ради всего святого, пиши. Неужели и сегодня не получу?

Н.Р.

Отдел рукописей ГТГ, 44/333, 1 л.

**7 Октября нов. ст. [24 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Рериху Борису Константиновичу.**

**Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks**

Berlin 7 Окт. 1900 г.

Дорогой мой Голубчик Борюшка, пожалуйста, похлопочи о высылке мне вещей и отбери книги, которые я перечисляю в письме к Лиле. Повидай Зарубина - часа в 4-5 он бывает дома (4 Лин. д. 21. кв. 23) – и уговорись об укладке «Похода». Лиля мне пишет плохие письма, короткие и казённого содержания – пиши мне, пожалуйста, получше; забудь, что это письмо, а смотри на него как на разговор со мною. Также, если у Тебя являются какие-ниб. мысли и думы, то пиши их мне и советуйся со мною. Ты ведь уже большой и потому я говорю с Тобою как с большим. Оправдай эту мою надежду. Пожалуйста, учись получше, чтобы скорее сбросить эту обузу и начать настоящее дело. Смотри, сколько интересного кругом, если Тебе понравится архитектура, - то поедешь за границу и увидишь, какая это важная вещь, не то, что у нас, где что ни дом, то какой-то ящик. Смотри же, пиши мне откровеннее, всё что ни думаешь, я постараюсь понять это и помочь Тебе – в этом ведь родство и состоит. У Тебя есть большие способности, Ты должен это сознавать и потому стараться, чтобы они не пропали даром.

В свободное время можешь рисовать орнаменты с гипса, а показывать их можно Зарубину – он укажет, что и как, я напишу ему. Но только, чтобы уроки не страдали от этого. Надо учиться распределять время – ведь выдающиеся люди умели его хорошо распределять. Не забрасывай и языки, а главное, не делай из всего важного дела – всё должно быть просто и всё делаться с улыбкою. Сильному и способному человеку – всё просто. Видишь, я хочу с Тобою поговорить, может быть, и непривычно для Тебя, но серьёзно; относись и Ты серьёзно к моим письмам, чтобы мне не жалеть, что посмотрел на Тебя как на большого. На охоту много времени не трать, но напр. на лыжах по островам не худо побегать.

Сейчас я был в Зоол. саду здесь; Господи, и народу же там, точно целый город собрался; за границей живут здоровее и полнее, нежели у нас. Надо бы, чтобы весною мама ко мне пустила.

Ну, целую Тебя крепко-накрепко и жду Твоих хороших писем. Теперь уже в Париже. Поцелуй Володю, пусть он Грызовым и Песецким не очень увлекается – есть что получше этого.

Очень люблю Тебя Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/127, 1 л.

*8 Октября нов. ст. / [25 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.*

Continental - Hotel
L. Adlon & H. Klicks

Berlin, уже Понедельник, 8 Окт.

Ладушка, мучительница; да ведь это Бог знает что, не писать больше недели. Сегодня мне уже всякие скверные мысли полезли в голову. Две главные: 1. Уж не запретили ли Тебе писать мне? 2. Уж не больна ли Ты? Не заболели ли глаза Твои? Я должен непременно знать, что с Тобой делается, иначе я прямо потерянный человек. Вот и теперь сижу в Н и вздрагиваю при каждом мимо идущем – всё кажется, не письмо ли? Если бы я имел Твоё письмо, то как бы я хорошо себя чувствовал.

В Париже непременно займусь водолечением у Маньяна, ибо чувствую себя всё-таки очень разнокалиберно, сегодня худо, а завтра бодро и сильно. Ещё единственно, чем я себя утешаю – это что Твои письма лежат в Париже и что всё благополучно. Я уже устал смотреть – собственно говоря, уже можно и работать. Пересочинил первый план «Похода» – этак-то получше будет... Нет, не могу писать Тебе донесения и описания. Сравнительно с тем, что у нас теперь происходит внутри – всё это мелко. Я думаю, над Тобою подсмеиваются теперь; наверно, подсмеиваются и это налагает на меня ещё бдльшую ответственность. А меня-то небось поносят! – с грязью мешают; ну пускай позабавятся. Когда я выхожу к обеду и вижу обедающих мужчину с дамой, да в особенности весело разговаривающих – мне становится страшно завидно и обидно. Впрочем, я ведь не умею любить! Обожду отправлять до вечера, авось ещё что-нибудь от Тебя получится.

Вторник 9-го. 8 час. утра. Это, наконец, из рук вон! Что же это, наконец, Ты хочешь меня больным сделать. От сестры получил письмо – казённое-преказённое; ну да, она за это получила от меня достаточные кнуты, ибо, отвечая ей, я вложил ещё (туда же) незапечатанное письмо к Борису, очень тёплое и хорошее, в котором просил его, так как Лиля, де, не умеет писать хороших сердечных писем, то, чтобы писал он, да смотрел на письмо не как на донесение и рапорт, а как на разговор со мною. Ведь иногда письмо, составленное из, на первый взгляд, совершенно незначительных, но тёплых слов, действует гораздо лучше, нежели описательное, чуть не в фельетон ростом. Впрочем, всем моим как-то незнакомо всё сердечное, всё необъяснимое словами, которое надо брать чутьём. Одна надежда на Бориса, он художественнее их, авось хоть в нём не обманусь. Ой, Ладушка, ой, моя милая, если б Ты могла чувствовать как я мучаюсь без письма Твоего! В Тебе в первой нашёл я отклик себе, отклик именно тот, какой ищу я. Я не считаю начального разговора при нашем прощании; он был не Твой, это было навеянное, ибо это была речь только рассудка, а сердце Твоё (какое у Тебя оно сильное) всё время говорило Тебе иное. Доходят ли до Тебя письма мои? Я отдаю опускать их швейцару, уж отправляет ли он их; ведь уже отправлено от Берлина 5. И ни одного от Тебя! Ведь знаешь, что майчик одинок совсем, ведь знаешь, что у меня на душе не легко и заставляешь повторять почти одно и то же вот уже в 3-м письме. На всякий случай сейчас отправлю телеграммку, может быть и впрямь письма не

получены, хотя к Косоротову ведь дошло уже, и он уже ответил, Зарубина я не виню, ибо просил его в Париж писать, а Тебя ведь в письмах упрашивал дать письмецо в Берлин; нет, что же это такое??

Вчера на ночь я должен был уже капли принимать, иначе не заснул бы.

Если я сейчас отправлю телеграмму, то письмо может сегодня вечером пойти и быть в Берлине в Четверг утром. Миленькая ведь Ты у меня одна, ведь я люблю Тебя, страшно люблю. Я ~~писал~~ Тебе

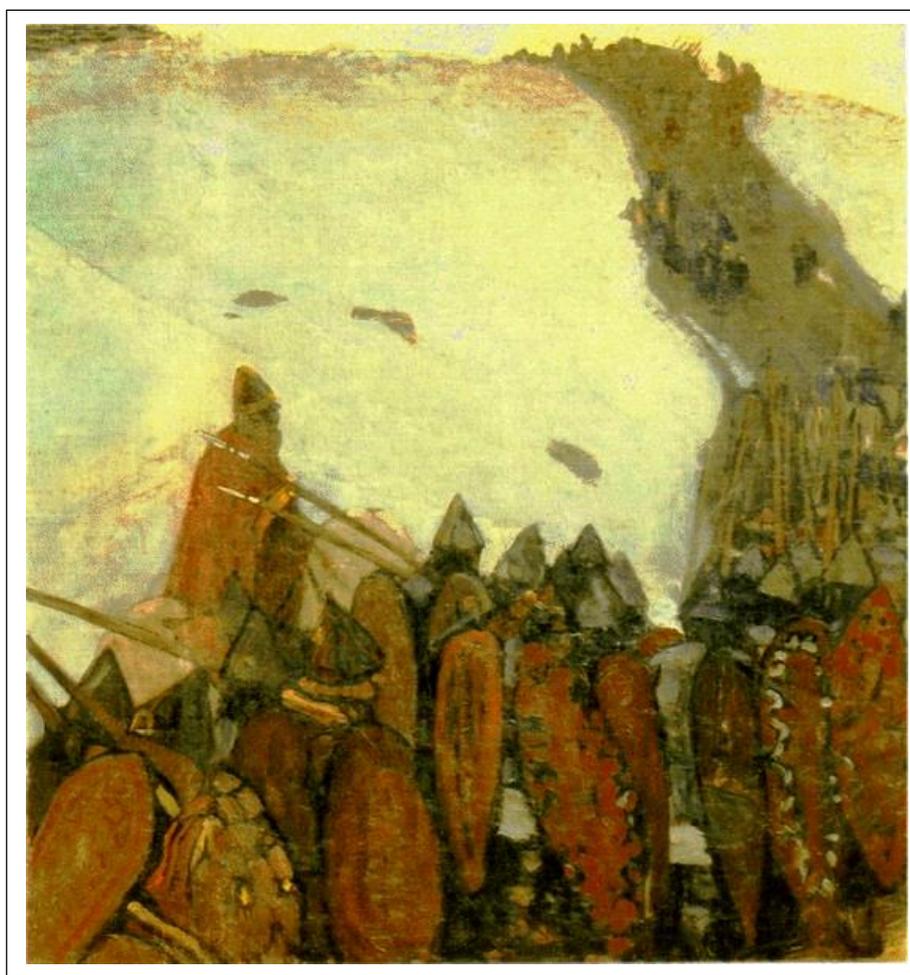
Ради Бога, [напиши] хорошее и большое письмо.

Перед Богом весь Твой

Н.Р.

Пожалуйста, поцелуй Ек. Вас. Уж здорова ли Ты? Право, «мои» – странные люди; они с таким спокойствием приняли моё известие о том, что я не вернусь, что мне, право, даже смешно.

Отдел рукописей ГТГ, 44/331, 2 л.

Н.К. Рерих. За Родину. Рать. 1900.

«Пересочинил первый план «Похода» – этак-то получше будет...»

26 сентября / 9 октября 1900 г.

ХРОНИКА

Сторонний

Заметки о искусстве

Итоги успехов русского художественного отдела на Парижской выставке подведены и сбалансированы журналом «Мир искусства». Можно ли придавать этому серьёзное художественное значение?.. Судите сами: остались за флагом Виктор Васнецов и Илья Репин; возвеличены наградами гг. Энкель, Гебгардт, Панкевич, Вейсенгоф, Герсон, Ясинский, Кендзерский, Леви, Симберг, Пеховский, Мордасевич... и ещё столько же других, — имена же их Ты, Господи, веши. Короче сказать: *à bas [долой (фр.) – ред.]* Васнецов, провалились Репин, да здравствуют Мордасевич, Симберг, Леви и компания!

Вот что значит — «век живи, век учись!..» А мы-то в простоте душевной воображали, что Виктор Васнецов с Ильёй Репиным - великие богатыри земли русской.

К такому же прискорбному заблуждению надо отнести и бывшее увлечение молодым и многообещающим художником И. Рерихом, одна из картин которого красуется даже в Третьяковской галерее. На Парижской выставке была его большая картина «Сходятся старцы». Сколько помнится, в своё время она была отмечена здесь, в Петербурге, единодушными похвалами печати - теперь же потерпела фиаско наравне с творениями Васнецова и Репина. «Ну можно ли так явно попадаться впросак?» - сказал бы по этому поводу на своём хлётском языке торжествующий редактор «Мира искусства», - если бы и сам не был отчасти повинен в подобном же «просаке». Нам известно, что он радушно приглашал г. Рериха к участию в выставках журнала. Хорошо, что тот не пошёл на такое приглашение. Иначе что стал бы теперь делать с ним, забракованным, осыпанный парижскими почестями кружок?!.. *Shocking! [ужасно (англ.) – ред.]*...

В утешение г. Рериху можем сказать только одно: лучше остаться за флагом наравне с Репиным и Васнецовым, чем войти в ранг торжествующих Мордасевичей и Симбергов...

Мы не видели картин поименованных награждённых художников и готовы верить строгости и нелицеприятности парижских... виноват, — находившихся в Париже судей. Но что же из этого? И. Е. Репин случайно фигурировал на выставке с своими наименее значительными работами, а г. Малявин - с наиболее удачными. Картина г. Врубеля повешена на выгодном месте, - а Рериха поместили где-то на задворках. Можно ли из этого заключить серьёзно, что гг. Малявин и Врубель выше Репина и Васнецова?

Пора бы сдать в архив такую «лавочную» оценку искусства. Что хорошо для «коньяка Шустова» или «сапожных изделий купца Семибрюхова», то совершенно не идёт к отрасли высшего искусства. Купец Семибрюхов налепил свои медали на вывеску - и это никого не шокирует. Но если этим же самым начинает промышленять журнал, претендующий на звание художественного, да к тому же ещё и передового в искусстве нашего времени, то...

Новое время. 1900. 26 сентября / 9 октября. № 8830. Воскресенье.

¹ Всемирная выставка 1900 года проводилась в Париже с 15 апреля по 12 ноября 1900 года. – *Ред.*

**9 Октября нов. ст. [26 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Berlin, Вторник, 9-го Октября.

Дорогая Ладушка, сейчас получил Твою телеграмму. Ну и расчётлива же Ты стала на письма; ведь в Париже то письмо, которое Ты отправила на другой день после полученной мною записки, а с тех-то пор прошла уже целая неделя. Неужели за неделю не нашлось о чём потолковать со своим майчиком. Или там несколько писем лежат? Почему Ты не хочешь в Берлин прислать? Сегодня читал фейлетон Стороннего (в Воскресенье); прочти его. Темы «мирного забвенья» и женской миссии очень мне близки; хорошо, что он написал об этом. Самим изложением я не очень доволен, есть длинноты, есть неудачные места, но в общем просто и сносно.

Сегодня я почти весь день провёл в парке Тиргартен'а (читал запрещённые русские книги, я их тут накупил. Правда, в «Воскресенье» хорошо церковная служба описана? Ведь у Тебя оно от Степана было?). Сидел я одиноко на укромной скамейке, и вдруг на меня налетает целая ватага детишек, чистеньких таких, славных. Налетели, стеснили меня в самый угол, уселись как воробьи на жёрдочке – щебечут, смеются, заглядывают (я как раз писал письмо Косоротову), что я такое пишу. Мне так захотелось заговорить с ними, но побоялся, что стесню. Сегодня я чувствую себя не совсем важно – какая-то усталость.

Странно, вот совпадение! Вместе с Твоей телеграммой получил я телеграмму от моих, поздравительную к 27-му; оказывается, обе телеграммы отправлены в одно время. Я думал, что в Твоей телеграмме будут ещё два слова «письмо идёт», а их-то и нет. Так что, неужели за всё время в Берлине я уже ничего не получу? А ведь за это время у Тебя должно быть много нового. Как же самочувствие? Частое появление моих писем как принимается? Интересно, как отнеслись тётушки к отказу? Уж Ты напиши об этом. Чувствуй – во вторник 8 час. 15 мин. веч. Целую Тебя, мою славную, светлую Ладу, целую крепко и живу только Тобою.

Н. Р.

Екатерину Васильевну целует Твой майчик.
К рождению сделай подарок – напиши письмо.

Отдел рукописей ГТГ. 44/332. 1 л.

**9 Октября нов. ст. [26 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Дорогая моя Ладушка, сегодня мне исполнилось 26 лет и я особенно рад, что именно в этот день пишу Тебе такое письмо, которым и Ты, вероятно, будешь довольна. Я много сердился на Свиньина, за его чрезмерное опоздание, но в результате даже доволен, ибо эти два дня я много ходил по парку и обдумывал разные, как кажется, не худые вещи. Ведь до изумительности всё случается к лучшему; то, что случилось у нас, уж на что сдаётся, неприятным и худым, а как подумаешь, и оно даже очень хорошо. Посмотри, что бы вышло из того, если бы всё было самодовольно благополучно, если бы я получил место теперь же, и всякое прочее – вышло бы на внешний вид очень хорошо, а в сущности, очень плохо. Невидимыми бы шагами, неосязаемыми бы проводами мы стали бы приковываться ко всегдашней, пошловатенькой жизни и, лёжа на полу, воображали бы себя плывущими по морю; продолжая говорить о каких-то стремлениях и задачах, о какой-то индивидуальности, мы медленно бы погружались в тёплую, зеленоватую кашу и наконец, задыхаясь в ней, мы почувствовали бы неприятную истому. Мы дошли бы до того, что вся окружающая нас жизнь действительно показалась бы нам целесообразною, а милые люди в орденах и с ключами на фалдах – важными и деловитыми. Всё бы это так и случилось, но видно нам суждено другое. Действительно, правду говорили люди, называвшие меня пустомелей, но только я был пустомелей не в их значении.

Я был тем пустомелей, что размахивая руками (на манер мельницы), вращая глазами и даже с плачем – всё же шёл за всеми, и какие-то винты начали хлябать и так, как я сам не думал их завинчивать, то окружающие собрались уж было закрепить их на свой манер. И вот, не бывать бы счастьем, да несчастьем помогло. Т. е. в сущности и несчастья не случилось. Несчастье было бы, если бы Ты (вопреки своей натуре) взяла прописные мерки и ими измерила всё случившееся. Но Ты не такая, вопреки фактам, сердцем почуяла Ты, что тут происходит нечто неестественное, болезненное, временное – Ты опять поверила мне и тем дала мне новые силы на новом пути. А путь будет новый и только бы крепость душевная и телесная – а ничто не собьёт с него.

Станным образом всё то, что ещё так недавно казалось мне важным и непреодолимым, теперь стоит где-то далеко, как японские боги, издали, делаю бессильную страшную гримасу. Кругом же меня безучастные спокойные лица, нет на них ни злобы ко мне (которую мне так трудно было переносить), нет на них и участия ко мне (которого мне не надо), – и это округляет меня, но округляет не так, чтобы шлифовало выдающиеся части мои (как было бы поступлено со мною в СПб.), а наоборот, мои рогульки оно дополняет до шара. Теперь работа и только работа; только она одна и может помочь, а эти партии, эти личности и всё такое, только по близорукости можно им верить.

Только работа может создать такое положение, когда никто за панибрата по плечу не потреплет. Это время я внимательнейшим образом проследил работы выдающихся (внепартийных) художников всяких; я старался уяснить, как они шли, как они формировались... Слава Богу, мне кажется, моё время для такой же дороги ещё не ушло, а оно бы ушло наверно, если бы всё вышло «похорошему», - экой глупый принцип и даже Христианского-то в нём нет, ибо ес-

ли бы всё по-хорошему, то как бы Христу выгнать торгашей из храма? Вот на какую дорогу привело меня общение с Тобюю.

Теперь Тебе ещё яснее должно быть, насколько мне дороги Твои поцелуи и ласки, но насколько мне важнее сознание Твоего «я», такого чистого и цельного, в котором окружающая пошлость может только угнетать нервы и производить физическое страдание, но внутренней существенной бреши она сделать не в состоянии. Иногда Ты как бы решаешься идти под средний уровень, но как только приближаешься к устью его, так теснота входа давит Тебя, и Ты занемогаешь.

Как мне вытащить Тебя на твою воду? и как бы это сделать скорее? – вот в чём моя теперь задача.

Мне без Тебя трудно, но я знаю, что найду силы жить Тобюю и вдали от Тебя. Это бы, т.е. сама разлука, ещё ничего, а вот другое-то похуже: как бы Ты, моя хорошая калинка, не сломалась? Калина хорошее, прочное дерево, но стоит его, знающе, вымочить, да связать, и оно сохранит какое хочешь, даже самое уродливое и гнусное положение. Твои домашние сознательно этого не сделают, Ек. Вас. инстинктом любви почувствует, какую боль она Тебе причиняет, но ведь и они сами находятся под общим прессом общественности, условности и прописей, и винить их за это нельзя. Вот почему мне хочется так иметь Твои сообщения о душевных Твоих настроениях, а не фактовые, которые имеют лишь общий интерес. Но Ты редко допускаешь меня в своё «я» - и никого не допускаешь, а между тем, искорки Твоего «я», видишь, сделали во мне какую хорошую перемену (утверждаю, без стеснений, что прямо-таки хорошую).

Без Тебя этого бы не могло быть, Ты дала мне те необходимые островки кожи, чтобы залечивать мою больную поверхность, ибо когда меня ломали и гнули в разные стороны, то хотя ствол ещё и не надломился, но кора уже во многих местах лопнула и отскочила. Без Тебя бы и ствол сломался, и его обтесали бы и сделали из него обструганную оглоблю для таратайки нашего чиновничества и пошлости.

Вот за что спасибо Тебе нерушимое, крепкое!

Тобюю, только Тобюю посмотрю я на окружающих женщин без скверного желанья; Тобюю, только Тобюю не обращаю я внимания на мнения случайных прохожих. А эти случайные прохожие, как ни глупо, а играют большую роль в нашей жизни. Возьмём хотя бы Твою нервность в музыке; - разве она не в зависимости от этих прохожих, да ещё не только случайных, а обычных, что ещё гораздо хуже. Для некоторых сонливых людей игра в перегонку полезна, но для людей у которых нервы и без того шалют – она прямо вредна. Я уже Тебе писал из Берлина да и ещё напишу, что, по-моему, Ты можешь достичь очень выдающегося в музыке в передаче сущности вещи (сила, на отсутствие которой Ты напиралась, тут ни при чём). Штудировать же передачу можно лишь в тишине внутренней, а эта тишина наступит у Тебя лишь, когда Ты уйдёшь от всех Гольцапфелей, Боровок и всего прочего к людям совсем незнакомым, в чужую жизнь, где Ты почувствуешь себя вне своей личности и только в области дела. Ведь в нашей Петербургской жизни мы были совершенно лишены возможности всяких проб, ибо результаты новых проб вовсе не всегда положительны, социальное же положение нашей личности требовало только всего положительного, т. е. исключало пробы и попытки.

А без этих разнообразных попыток ничего не может создаться. Подумай над этим соображением, милая.

Вон нервы-то у Тебя какие! – надо ведь им создать подходящую рабочую атмосферу, а работать-то Ты любишь и умеешь. (Обыкновенно наши дамы не умеют). Как экзамены вышли?

Ой, как хорошо чувствовать мне и сознать Тебя. Пусть всё – химера, но это чувство не химерно. А впрочем, если хочешь, всё химерно: и Бог химерный и правда химерна и всё хорошее – тоже химерно. Это с какой стороны посмотреть!

Меня очень радует, что чувство к Тебе, которое я сейчас поминал, стоит во мне отдельно от страсти. И страсть есть и большая, но я думаю, она – ничего, это дело нашей природы; лишь бы страсть была честна. Не скрою, как часто хочется мне целовать Тебя, как хочется мне гладить руку Твою и крепко, очень крепко Тебя обнимать. Я думаю в этом ничего постыдного нет, и скрывать это не надо.

Милая, родная моя Ладушка, как-то Тебе там? Хочется ли обнять майчика своего?

Я доволен, что именно сегодня написал Тебе такое письмо; я рад, что вступаю во вторую четверть моего века с именно такими мыслями. Если Ты дашь этим мыслям вырасти – славно будет.

Напиши подробно и совершенно откровенно какие мысли вызовет в Тебе письмо это; Тобою я хочу проверить себя. Не откладывай писанья – пиши непосредственно.

Пиши моя милая, пиши моя хорошая! Эти дни такая тут теплынь, такое солнце; дай Бог, чтобы наконец и у нас на душе так же светло стало. Крепко целую Тебя! – Среда, 27, 9 час. 15 мин. веч. – чувствуешь? Весь Твой

Майчик

Поцелуй Ек. Вас.

Тебе уже наверно скучно и читать-то стало, а мне всё хочется писать Тебе. Хоть бы раз написала Ты мне письмо страниц в 10-12.

Вот теперешний ответ напиши такой длинный. За отсутствием Твоих писем, мне несколько раз хотелось хоть старые почитать, но, чудно, всё ещё не могу смотреть на них. Совершенно новое чувство для меня, но что-то щемит грудь и я должен скоро сложить их в чемодан. Я думаю это пройдёт после нескольких Твоих новых хороших писаний; верно, это от боязни, что вдруг Ты без меня изменишься и я больше не найду той Ладушки, которая мне так хорошо писала. Сегодня я опять много о Тебе думал, и вот к вечеру уж совсем скучно стало. Встал бы я перед Тобой на колени, целовал бы руки Твои *[далее 7 строк зачёркнуто]*.

Когда Ты будешь читать эти строчки, что: неприятно ли сморщишься? засмеешься ли? или и у Тебя сильно забьётся сердце и что-то начнёт в груди подыматься и захочется, чтобы я был близко Тебе? - *я же пишу их и чувствую*, как во мне дрожит что-то. Сейчас оно хорошее. И тут ясно насколько всякий факт сам по себе ничего не значит; само по себе это чувство ни худо, ни хорошо, но если я люблю Тебя и оно по отношению к Тебе является – оно хорошо, а если я бы думал, что люблю Тебя, а думал так ещё о другой какой-либо женщине, ой, как худо это было бы и как мерзко.

Боюсь перечитывать, что такое написал я; - пожалуй, почтальон откажется нести такое письмо, но мне слишком хочется говорить с Тобой. С кем же мне говорить, чтобы так приятно дрожало на сердце? Кто же мне близок?

Когда я прислал посыльного вместо того, чтобы самому приехать, Ты уличила меня в трусости, но это не трусость была. Если бы Тебе стали делать операцию, резать Тебя, разве бы я остался в комнате – нет, я ушёл бы рядом. Не из трусости, а из желания думать, что там всё хорошо обошлось. Это какое-то сложное чувство, которое объяснить я никак не могу. В жизни никогда я не мучился так, как когда Ты начала мне говорить о возврате писем. От меня оторвали что-то самое мне дорогое, самое мне милое. Ах, как больно это было. Но теперь эта боль покрывается фразой записки, которая всегда со мною: «верь в свою Ладу, не обманет она Тебя».

Верю, буду верить и верю этой жить буду.

Уже и этот листок весь. Когда запечатаю, мне так одиноко станет.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/258, 9 л.

**9 Октября нов. ст. [26 Сентября ст. ст.] 1900 г., Берлин.
Телеграмма Н.К. Рериха – Шапошниковой Е.И.**

ТЕЛЕГРАММА

Пбг. Лиг 19 кв 2. Шапошниковой

09. 10. 1900

JDOU P1SSMA BERLINE. *NICOLAS*

Отдел рукописей ГТГ, 44/168, 1 л.

[11.10. [н.с.] [28.09.- .ст. ст.] 1900 Berlin]

Письмо Н.К. Рериха к Рерих Марии Васильевне.

Конверт с адресом. На штемпелях даты: 11.10.[19]00. BERLIN. 1.X. 1900. С.ПЕТЕРБУРГ

Russland. S. Petersburg. Петербург. Васильевский Остров. 16 линия, д. № 15.
Ее высокородию Марии Васильевне Рерих

Чтобы мама сама читала, потому крупно.

Милая и хорошая Мама,

Ваше письмо меня ужасно порадовало, мне было особенно приятно, что Вы сами его написали. Только уничтожить его я не буду – ведь всё равно его никто у меня не увидит - мне будет приятно иногда перечитывать его. Я вижу из него, что Вы меня всё-таки любите, то есть, значит, возможны те хорошие родные отношения, о которых я всё время мечтаю; отношения, в которых суть

не в официальных заботах друг о друге, а именно в том неуловимом, сердечном, которое и проглянуло в этом Вашем письме.

В Вас есть это сердечное, но оно было много лет подавлено сухим формализмом, который делал несчастною всю нашу жизнь. Я говорю это не в осуждение Покойному; это была не его вина; быть может, он и сам чувствовал этот болезненный недостаток своей природы и даже сам, может быть, мучился этим. Ему надо простить это и молиться, чтобы ему было Там хорошо.

Вы меня всегда упрекали в недостатке любви, но так ли это? Как я всегда мучился, что вместо настоящей любви приходится ограничиваться подачею пепельницы... А где же была та душевная откровенность, где же было то необъяснимое тёплое, что присуще настоящей любви, которое только и тепло и прекрасно в нашей теперешней жизни. В этом неуловимом и тёплом, которое даже не говорится, а только чувствуется, заключаются все пять главнейших заповедей Господних – значит именно в этом и есть земное Царство Божие.

При этом взаимном отношении вытекает: что человек не только не должен убивать, но не должен гневаться на ближнего; не должен никого считать ничтожным “рака”, а если поссорится с кем-либо, то должен мириться, прежде чем молиться. Не должен не только прелюбодействовать, но должен избегать наслаждения красотою женщины, должен раз избрав её, никогда не изменять ей. Не должен клясться. Должен прощать обиды и не должен ненавидеть врагов. Как ни кажутся неисполнимыми для нас эти заветы, но в семье они прежде всего достижимы. Вот почему семья везде и во всём святее всего. И как это не трудно достичь, лишь бы любить друг друга. Недаром “дети любите друг друга” повторял Иоанн. Надо выкинуть всю условность, чтобы всё вытекало из сердца, а не из холодного ума. Вот на какие мысли навело меня письмецо Ваше. Вы и ещё пишите мне, пожалуйста, только я их не разорву, ибо они мне очень дороги. И я Вам буду писать так, чтобы вы сами читали.

К работе у меня теперь большой подъём. Напишите мне в Париж. Целую Вас, милая Мама, крепко и очень люблю Вас.

Николай.

Отдел рукописей ГТГ, 44/464, 4 л.

Н.К. Рерих. [Портрет матери]. 1900. Рисунок.

ПАРИЖ

«В 1900 г. Рерих едет в Париж, где у другого своего учителя Кормона, крупного мастера рисунка и композиции, приобретает ту полноту власти над формой и то совершенство рисунка, которых ему не хватало. и который можно назвать, в особенности в исторических полотнах, «реализмом легендарным». В Париже Рерих навсегда устанавливает свою художественную манеру, свой творческий метод, который – в отличие от «непосредственного реализма» - Эрнст называет «реализмом стилизованным»

Рерих ищет и находит любимое родное прошлое, магически-волевой силой любви таланта воскрешая в нём то, что нужно нам для созидания настоящего и будущего. Отсюда прошлое изображается возвеличенным, «художественно-усиленным в своей значительности», в своих существенных, непреходящих элементах, ибо оно – необходимый конструктивный элемент значительности и величия настоящего и будущего». (В.А. Шибяев. «Н.К. Рерих». Рига. 1935 г.)

**11 Октября [нов. ст.] [28 Сентября ст. ст.] 1900 г., Париж.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Hôtel de Bourgogne. Rue de Bourgogne. Paris

11 Октября. 6 часов вечера

Милая, родная моя, сейчас получил письмо Твоё – оно меня убило совсем. Господи, разве могу я думать о мести, об обиде – когда Ты для меня – всё. Что с Тобою? Родная моя, не болей! Разве я Тебе писал худые письма? Разве письмо от 27 Сент. не сказало Тебе многое? Ведь только Тобою живу я!!! Что эти дни не пишу, то только потому, что и Свиньин и прочие мои спутники рвут меня на части и не дают возможности взяться за перо. Не отнимай у меня хоть остаток веры. Когда я прочитал письмо Твоё, у меня просто голова закружилась и захолодели руки.

У нас тяжёлая участь, не дай же обстоятельствам восторжествовать! Силы и силы! Письмо об отъезде было кратко, ибо у меня опять сидел Свиньин, который чужих интересов не признает.

У меня теперь страшное время; надо устроить всю жизнь. Надо мастерскую, надо весь режим выстроить. За Тебя болит моё сердце. Найди силы в музыке. Разве Ты можешь допустить, чтобы я отнёсся к Тебе небрежно?

Сегодня даже не мог удержаться и хотя очень смутно, но поговорил о Тебе с Фроловым.

Бедная Ты моя! Господи, неужели Ты захвораешь? Радость моя, жизнь моя – тогда мне ничего не останется.

Если бы знали все те многие люди, что сидят около меня в настоящую минуту, о чём и кому я пишу. Все кричат и зовут меня к столу, а разве могу я в таком состоянии есть, и думать и говорить о чём-либо.

Ради Бога, хоть коротко пиши мне.

Целую Тебя и живу Тобою.

Н.

Отдел рукописей ГТГ. 44/282. 2 л.

**29 сентября [ст. ст.] [12 октября нов.ст.] 1900 г., Париж.
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.**

Недобрая, нехорошая Ладушка!

Пойми Ты только, как мне тяжело было получить Твоё письмо сейчас, после моего отправленного 27-го. Пойми же Ты, что мне больно это. Твои холодные «очень жалко», «сам виноват» и пр. прямо мне жгли глаза. Ну хорошо, Ты готовишься к экзаменам - я понимаю, но всё же написав Тебе, когда во мне всё дрожало внутри, получить такую записку — как-то жутко становится.

Неужели на Тебя уже успели так повлиять за это время? Как мне сейчас неприятно!

Весь Твой

Н.Р.

29-го Сент.

Хотел пожелать Тебе к экзаменам всего доброго, да вспомнил, что могу это сделать только мысленно, т. к. письмо придёт позже.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/164, 1 л.

12 Октября [н.с.] 1900 г.

ТЕЛЕГРАММА Н.К. Рериха - г-же Шапошниковой

ТЕЛЕГРАММА

Принята 12.10.1900
СПб., Лиговская, 19
Г-же Шапошниковой

P1SMO POSLANO ISYESTITE SDOROVII OTCHEN BESPOCOUS
DOUMAU O VAS = NICOLAS

Отдел рукописей ГТГ, 44/165, 1 л.

12 Октября, 1900 г., Париж.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

12 Окт.

Милая моя, и родная моя.

Сегодня я весь день сам не свой. Что-то с Тобою там делается? Здорова ли? Утром не удержался и послал телеграмму, ответа ещё нет. Как скверно писать самому дорогому для меня человеку на дворе отеля среди безобразного шума и грохота экипажей. В комнате же писать и того хуже, ибо даже стола порядочного нет и хотя мы и занимаем впятером пять комнат, но они больше похожи на курятники. Самочувствие у меня неважное, голова тяжёлая, а тут Свиньин пристаёт, чтобы я его проводил до Вены и, пожалуй, это придётся исполнить. А мне сильно не хочется. Мне до невероятия беспокоино о Тебе. Если бы я мог, вырвал бы Тебя сюда в Париж и как бы мы зажили здесь хорошо. -

Вдали от всех; нас бы никто не знал и мы бы никого не ведали. Воображаю, что Тебе придется переносить это время.

Бедная Ты моя! Только как же это Ты допустила мысль, что я не писал Тебе потому что не хочу.

Если бы Ты знала, сколько мне приходится переживать за это время – прямо ноги отказываются ходить, а голова мыслить. Жду когда разъедутся мои спутники и возьму себе мастерскую. Я жду этой минуты, но в то же время и боюсь её, ибо остаться одному в 4-х стенах при мысли что любимому человеку где-то нехорошо – слишком тяжело. Напиши же мне хоть раз обстоятельно страниц на 6 не меньше.

Вот меня уже опять тащут... Целую Тебя крепко и жду письма.

Милая моя, хорошая – неужели Ты меня ненавидишь? – за что?

Отдел рукописей ГТГ, 44/283, 2 л.

30 сентября / 13 октября. 1900 г.

ХРОНИКА

И. Репин

Письмо в редакцию

М[илостивый] г[осударь], г[осподин] редактор.

По поводу наград на настоящей Парижской выставке за наше искусство, разносятся неверные толки и проникают в печать, иногда даже в таком небрежном виде, как, например, «Заметка о художестве» г. Стороннего в «Нов. врем.» № 8830, с тенденциозным перечислением имён «Пеховских», «Мордосевичей» и мн. др., получивших-де награды, тогда как имена - Васнецов, Репин и Рерих — «остались за флагом».

Находясь более месяца в кругу жюри по живописи, состоящего из выдающихся художников всех национальностей, я имел случай наблюдать близко непосредственное впечатление от наших картин на маститых мастеров всего света. Впечатление это меня очень радовало. Оно было веско, особенно общим уровнем, так как главные силы наши были представлены далеко не лучшими своими произведениями.

В одной из зал выставки, каждое утро, исключая воскресные дни, собирались члены жюри, в числе около 45 человек, и ровно в 9 часов заседание бывало уже открыто. К делу присуждения наград относились судьи чрезвычайно добросовестно и с большим пониманием предмета. Для получения награды условлено было большинством не менее 27 голосов. Члены жюри награде не подлежали.

В русском отделе (исключая поляков и финнов, выставленных в особых залах) — высшую награду получил В. А. Серов, за портрет великого князя Павла Александровича — 45-ю голосами. Следующую награду 1-ю медаль (золотую) получили: Ф. А. Малявин, за картину «Красные бабы» — 42-мя голосами, и К. А. Коровин, за декоративные панно-пейзажи в сибирском павильоне — 40 голосами.

В эту же баллотировку В. М. Васнецов и В. Е. Маковский получили за свои картины по 23 голоса. Я был очень огорчён недостатком 4-х голосов для получения ими золотых медалей. Председатель Жером сердечно принял мою сто-

рону. Сначала хотел понизить количество избирателей до 23-х, но это в большинстве не прошло. Тогда он устроил перебаллотировку, но и она не дала должного количества голосов. Посоветовавшись с гр. И. И. Толстым, бывшим в числе судей по скульптуре, я попросил секретаря нашего бюро снять имена В. М. Васнецова, В. Е. Маковского и В. Д. Поленова с баллотировки на 2-ю медаль (серебряную), находя эту награду ниже их достоинства.

Серебряных медалей нашим художникам присуждено 18-ти именам.

Картине г. Рериха не посчастливилось; по недостатку голосов за неё она не была внесена на баллотировку даже 3-й (бронзовой) медали. По правилам, 10 поднятых рук давали право баллотировать вещь — за Рериха поднято было только три руки. Я остался за флагом потому, что как член жюри считался вне конкурса.

Россия. 1900. 30 сентября / 13 октября. № 515. Так же: Мир искусства. 1900. № 17-18.

***13 октября / [30 сент. ст. ст. 1900 г., Париж.]
Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.***

Пятница. 13 Октября

Милая и родная моя, как мне скверно от этой цыганской жизни, уже хочется покоя, хочется работы, а более всего хочется видеть и слышать Тебя. Я думал на телеграмму будет телеграфный ответ, а не было. Если Тебе мои письма необходимы, то ведь и мне Твои тоже необходимы не менее. От всех впечатлений голова стала как сундук, но несмотря на весь хлам и отрепье навалившееся сверху, меня всё же сосёт основная мысль о Тебе, как бы Тебе за это время не изломаться, как бы не подорвать и без того шаткие нервы? Отчего это нам такая трудная дорога выпадает? На днях мне писала Беклемишева, что чем труднее дорога, тем в лучшие места она приводит, пусть бы так было!

Рано или поздно, но Ты будешь у меня в Париже и мы поживём вдаль от всех, среди сильной работы. Или, быть может, Ты уже поверила всем утешениям? – это я только в шутку говорю, я знаю, какая Ты в сущности прочная и крепкая и ищешь в жизни вовсе не то, что ждут от неё миллионы прочих.

Прямо не могу писать и сосредоточиться среди разговора и шума – всё равно если бы я стал целовать Тебя при других.

Завтра еду со Свиным в Мюнхен (он очень просил), доведу его и через два дня буду снова в Париже, где надеюсь найти Твоё письмо.

Миленькая, хоть мысленно поцелуй своего Майчика, для которого Ты будешь *всё навсегда*. Пиши подробно про здоровье и про всё прочее, когда дня два не получаю Твоих писем, мне всё становится противно. Поцелуй Ек. Вас.

Пиши: отель Bourgogne.

Н. Р.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/421, л.2